

<https://www.doi.org/10.33910/1992-6464-2022-205-229-244>

EDN NJORDK

А. В. Егорова

РОЛЬ КОМПОНЕНТОВ ОБРАЗА РЕАЛЬНОГО И ВИРТУАЛЬНОГО МИРА В ФОРМИРОВАНИИ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ В ПОДРОСТКОВОЙ АГРЕССИИ

Статья посвящена исследованию роли компонентов образа реального и виртуального мира в формировании индивидуальных различий в проявлении подростковой агрессии. В исследовании приняли участие 10 980 российских подростков из десяти регионов России (средний возраст 15,9 лет, стандартное отклонение = 0,9). Данные обрабатывались методами корреляционного и множественного регрессионного анализа. Показана специфика взаимосвязей отдельных компонентов образа мира и интегральной шкалы агрессии для цифрового пространства и реального мира. Определены универсальные и специфичные компоненты образа мира в виртуальном и реальном пространстве, значимые для формирования индивидуальных различий в подростковой агрессии.

Ключевые слова: агрессия, подростковый возраст, образ мира, реальный мир, цифровое пространство

А. Egorova

THE IMAGES OF REAL AND VIRTUAL WORLDS AND INDIVIDUAL DIFFERENCES IN ADOLESCENT AGGRESSION

The article studies the role of components that constitute images of the real and virtual worlds in the development of individual differences in adolescent aggression. The sample included 10,980 adolescents from ten regions of Russia (mean age 15.9 years, standard deviation = 0.9). The data were processed using methods of correlation and multiple regression analysis. The study revealed connections between the components of the world image and the integral aggression scale for the digital space and the real world. The results determined universal and specific components of the world image in virtual and real space that are significant for individual differences in adolescent aggression.

Keywords: aggression, adolescence, world image, real world, digital space

Введение

За последние десятилетия проблема влияния информационной социализации на повседневную жизнь человека приобрела особую актуальность и активно рассматривается в мировом научном психологическом сообществе [1; 4; 8; 17; 35; 38]. Сегодня происходит формирование новой культуры, новых норм, ценностей и взглядов. Если раньше человек был за «железным занавесом», то сейчас рушатся все границы приватности и частной жизни. Под влиянием

изменений социальных норм, ценностей и правил происходит трансформация представлений человека о мире.

Более того, в исследованиях показано, что виртуальный и реальный мир образуют новый континуум — смешанную реальность, в которой размываются границы между онлайн- и офлайн-средой [21; 22]. Смешивание реального и виртуального мира подтверждается исследованиями, посвященными конструированию реальной и сетевой идентичности [3]. Однако данные некоторых

исследований идентичности показывают обратную картину: сообщается о различиях между показателями сетевой и реальной идентичности [9].

Согласно данным Росстата в 2019 году 99% респондентов возрастной группы от 15 до 24 лет использовали Интернет, при этом 95,3% из них «заходили в сеть» ежедневно [14]. Такая включенность цифровой среды в повседневную жизнь человека, безусловно, не проходит бесследно. В исследованиях не только подтверждено влияние цифровой среды на индивидуально-психологические признаки детей, подростков и молодых людей [6; 29; 32], но и зафиксированы эффекты воздействия на общественные и межличностные отношения [28; 36]. С развитием цифрового пространства задаются новые грани взаимодействия и межличностного восприятия. При этом, согласно исследованиям, в наибольшей степени восприимчивыми к этим изменениям оказываются подростки [13].

Подростковый возраст является принципиально важным для конструирования образа «Я» и образа мира в целом, поскольку именно в этом возрасте активно развивается самосознание подростка, складывается его отношение к социальному миру, формируется картина мира и ее структура [13].

Интернет может упростить жизнь человеку, предоставив доступ к неограниченному количеству ценной и полезной информации, а также помочь выстроить межличностные отношения. Но в то же время нельзя исключать и риски, которым подвергается современный подросток в интернет-пространстве. Так, сообщается, что влияние информационной среды может способствовать дезадаптивному поведению подростков [5].

Согласно исследованиям, проведенным с участием российских подростков, к основным рискам социализации в информационном пространстве можно отнести, прежде всего, трансформацию процессов категоризации информации, в результате которой образ мира в сознании подростка приобретает фрагментарный, «клиповый» характер, и появление

новых сетевых форм коммуникации, ведущих к возможным затруднениям в понимании себя и других людей [5]. Более того, цифровое пространство характеризуется анонимностью, нечеткостью и множественностью социальных норм, которые могут привести к размыванию границ о нормативном и ненормативном поведении и в реальной жизни. А возможность создания «виртуальных личностей» ограничивает подростка в формировании реального образа собеседника, заставляет «включаться» механизм стереотипизации и установку на ожидание желаемых качеств в партнере [13]. Эта специфика интернет-поведения подростков может отражаться в особенностях формирования различных компонентов образа мира не только в виртуальном пространстве, но и в реальной жизни.

В исследованиях, посвященных специфике интернет поведения в подростковом возрасте, зафиксировано стремление подростков к нетипичному ненормативному поведению [13]. Часто подростки в сети Интернет проигрывают сценарии ненормативного поведения, которое является неприемлемым в реальной жизни, тем не менее, особенности виртуальной среды позволяют оставаться безнаказанным.

Подростковая агрессия имеет свои особенности. Одной из основных особенностей подростковой агрессии является зависимость от референтной группы (сверстников) и подрыв авторитета взрослых, поскольку в этом возрасте наиболее остро проявляется стремление выстроить свою позицию и обозначить приоритетные жизненные ориентиры [19]. Кроме того, для подросткового возраста характерно проявление аффективных форм поведения, таких как агрессивность, заносчивость, обидчивость или ранимость [24]. Согласно исследованиям, проявления агрессивного поведения подростков направлены на ближайшее окружение — друзья, родители, близкие взрослые [2]. И. Ю. Кулагина по данной проблеме высказывает свою точку зрения, основанную на том, что агрессия

подростков связана с теми трудностями, которые личность встречает на пути социальной адаптации, часто в условиях смены коллектива и стремления к самореализации [15].

В психологии существует множество подходов и теоретических концепций агрессии, сформулированных представителями различных научных направлений, которые, прежде всего, ставят своей целью определить понятие и объяснить причины агрессивного поведения [7; 16; 20; 25; 26; 31; и др.]. Каждый из подходов имеет свои сильные и слабые стороны, но ни один из них не может полностью объяснить причины агрессивного поведения человека. При этом наиболее доказательными и непротиворечивыми являются фрустрационная теория и концепция социального научения агрессии [20].

Понятие «агрессия» включает различные формы и виды поведения, начиная от вербальных и заканчивая различными физическими воздействиями и поведенческими действиями. По мнению А. А. Реана, под агрессией следует понимать «любые намеренные действия, которые направлены на причинение ущерба другому человеку, группе людей или животному» [20, с.128]. С точки зрения биопсихосоциальной природы человека, И. А. Фурманов определяет агрессию как «модель поведения, обеспечивающую адаптацию человека, один из способов удовлетворения актуальных потребностей в кризисной ситуации развития и жизнедеятельности (стресса, депривации, фрустрации)» [26, с.8]. А. Басс предложил несколько определений феномена агрессии. Во-первых, агрессия есть некоторая реакция, в результате которой другой субъект получает болевые стимулы. Во-вторых, агрессия является не свойством, а явлением, которое осуществляется в отличительном поведении, в конкретном действии, таким как угроза, либо нанесение ущерба другим [30].

Разнообразие определений феномена агрессии позволяет сделать вывод о том, что он имеет довольно сложную природу и может быть рассмотрен с различных сторон.

Например, агрессия может представлять собой борьбу или нападение, стремление к подчинению или самоутверждению, или же защитную реакцию на внешние раздражители.

Попытки дифференцировать понятия «агрессия», «враждебность» и «гнев» предпринял А. Басс. В основу разделения данных терминов он заложил широко известную трехкомпонентную структуру психических явлений, которая постулирует самостоятельность эмоционального, поведенческого и когнитивного компонентов в целостном феномене. А. Басс относит враждебность к когнитивному компоненту агрессии и понимает ее как длительное, устойчивое негативное отношение или систему оценок, применяемую к окружающим людям, предметам и явлениям. Гнев выступает в качестве эмоционального компонента, а физическая агрессия — поведенческого [14].

Такая дифференциация позволяет рассмотреть подростковую агрессию с позиций как причинения вреда другому человеку или объекту с целью получения авторитета и повышения уровня собственной значимости, так и влияния плохой компании, социальным неравенством и т. д. Согласно исследованиям, подростковый возраст является наиболее чувствительным в отношении проявления индивидуальных различий в агрессивности [8]. При этом констатируется, что одной из причин агрессивного поведения может стать информационное поле, окружающее человека, как в реальном мире, так и в виртуальном [27; 33; 37].

Так, согласно исследованиям феномена агрессивного поведения, наблюдается связь между проявлениями агрессии и сформированным у человека представлением об окружающем мире [12; 23; 34]. В частности, показано, что люди с высоким уровнем враждебности (когнитивный компонент агрессии) чаще воспринимают окружающий мир как недоброжелательный. Кроме того, враждебность является не просто личностной характеристикой, а «базой для вынесения

суждений о мире и о самом себе» [12, с. 2]. Вместе с тем, за пределами имеющих в литературе исследований остался анализ связи отдельных составляющих образа мира — и реального, и виртуального — с проявлениями агрессивного поведения в подростковом возрасте.

Целью данного исследования является изучение роли компонентов образа реального и виртуального мира в формировании индивидуальных различий в агрессивности на масштабной выборке современных подростков. Изучение проблемы индивидуальных различий проявления агрессивности в подростковой среде является общественно значимым и связано, в частности, с увеличением числа резонансных случаев агрессивного поведения в школах и колледжах, а рассмотрение компонентов образа мира в реальном и виртуальном пространстве, влияющих на проявление подростковой агрессии, является возможностью понять причины агрессивного поведения.

Методы исследования

Описание выборки

В исследовании приняли участие 10 980 подростков из 10 регионов РФ, из них 55,5% составили девушки. Средний возраст респондентов 15,9 лет (стандартное отклонение = 0,9). На момент исследования все респонденты получали основное общее, среднее общее и средне-специальное образование.

Выбор образовательных организаций осуществлялся случайным образом и основывался на согласии администрации принять участие в исследовании. Поскольку в исследовании принимали участие исключительно подростки, достигшие 15-летнего возраста, согласие родителей для проведения исследования не требовалось.

Тестирование проходило в онлайн-формате на платформе Ika.si. Инструкции к тестовым заданиям сформулированы в доступной форме, в соответствии с возрастными особенностями респондентов.

Анализ результатов выполнялся на базе обезличенных персональных данных. Для статистического анализа данных были использованы корреляционный и регрессионный анализ. Процедура статистического анализа выполнялась в IBM SPSS statistics (v.23).

Методики

Уровень агрессии

Для диагностики уровня агрессии подростков использовался опросник агрессивности Басса — Перри, в адаптации С. Н. Ениколопова и Н. П. Цибульского [10]. Опросник включает в себя три шкалы: «физическая агрессия», «гнев» и «враждебность». Структура опросника соответствует теоретическим положениям А. Басса о поведенческом, эмоциональном и когнитивном компонентах. В структуру опросника также включена «Интегральная шкала», которая представляет собой суммарный показатель по всем трем шкалам. В рамках данной статьи мы рассмотрим результаты по интегральной шкале.

Образ мира

Для измерения образа мира подростков использовался опросник «Шкала базисных убеждений», разработанный в рамках когнитивной концепции базисных убеждений личности. Шкала была разработана Р. Янофф-Бульман, а затем адаптирована и рестандартизирована М. А. Падун и А. В. Котельниковой [18]. Опросник помогает ответить на вопрос о том, каким образом человек конструирует свои представления об окружающем мире и собственном «Я».

Опросник состоит из 37 утверждений и включает в себя 5 шкал, из которых в данном исследовании использовались 2 шкалы: «Доброжелательность мира» (шкала отражает убеждения человека относительно безопасной возможности доверять окружающему миру) и «Справедливость мира» (убеждение человека в том, что хорошие и плохие события распределяются между людьми по принципу справедливости: каждый получает то, что заслуживает). При этом мы попросили

респондентов оценить их убеждения относительно реальной и виртуальной среды.

Образ «Я» / Образ «Других»

Для измерения образа «Я» использовался опросник «Аспекты идентичности» Дж. Чика [9]. Опросник включает 45 вопросов и позволяет определить несколько аспектов, способствующих конструированию человеком своей идентичности. Баллы по шкалам суммируются, после чего определяются наиболее выраженные ориентации. В опроснике представлены 6 шкал:

личная идентичность (значимость личных ценностей и норм, мыслей и чувств, планов и жизненной перспективы, а также общей оценки своей личности с точки зрения ее непрерывности, самоидентичности, отличия от других);

реляционная идентичность (значимость близких межличностных отношений);

социальная идентичность (значимость социальной оценки, включает вопросы, отражающие восприятие своей оценки в глазах других людей: репутацию, привлекательность внешности и особенностей поведения);

коллективная идентичность (значимость принадлежности к семье, расе, культуре);

специальная идентичность (социально-демографические характеристики, представляющие возраст, пол, социальное положение и т. д.);

поверхностная идентичность (дополнительная шкала, отражает значимость для субъекта поверхностных характеристик «Я», непосредственно воспринимаемых другими людьми — пол, возраст, внешность, привлекательность для других).

В рамках нашего исследования нами было использовано 5 шкал: личная, реляционная, социальная, коллективная и поверхностная. Мы попросили испытуемых оценить себя с позиции их реальной и виртуальной личности.

Для измерения образа «Я» и «Других» использовалась методика диагностики межличностных отношений Т. Лири, которая представляет собой инструмент для оценки

наблюдаемого поведения людей, т. е. поведения в оценке окружающих («со стороны»), для самооценки, оценки близких людей, для описания идеального «Я».

В соответствии с этими уровнями диагностики меняется инструкция для ответа. Опросник межличностных отношений ориентирован на два фактора: «доминирование — подчинение» и «дружелюбие — агрессивность». Эти факторы позволяют определить общее впечатление о субъекте в процессах межличностного восприятия. Опросник содержит 128 оценочных суждений, из которых в каждом из 8 типов отношений образуются 16 пунктов, упорядоченных по восходящей интенсивности. Для того, чтобы определить образ «Я» и образ «Других» в интернете и в реальном мире, в данном исследовании мы попросили респондентов дать оценку следующим объектам: «Я в реальном мире»; «Я в интернете»; «Другие в реальном мире», «Другие в интернете».

Результаты исследования

В таблице 1 представлены средние значения, стандартное отклонение (в скобках), минимальные и максимальные значения для показателей агрессии, образа мира, образа «Я» и образа «Других» у подростков в реальном мире и в интернете.

Рассматривая описательные статистики показателей агрессии, образа мира, образа «Я» и образа «Других» у подростков в реальном и в виртуальном мире, стоит отметить, что все показатели находятся в пределах нормативных значений.

Однако необходимо подчеркнуть некоторые различия по анализируемым показателям образа реального и виртуального мира. Например, по шкалам «Доброжелательность» и «Справедливость» реального мира средние значения по всей выборке выше по сравнению со шкалами виртуального мира. То есть, респонденты чаще характеризуют реальный мир как доброжелательный и справедливый, в отличие от виртуального мира.

Описательные статистики для всех анализируемых в исследовании показателей

Методика		Шкала	Среднее (стандартное отклонение)	Минималь- ное и мак- симальное значение
Опросник агрессивности Басса — Перри		Интегральная шкала	60,17(17,38)	24; 119
Образ мира				
Шкала базисных убеждений	Реальный мир	Доброжелательность мира	32,23 (5,86)	9; 54
		Справедливость мира	21,15 (3,45)	6; 36
	Виртуальный мир	Доброжелательность мира	30,60 (6,82)	9; 54
		Справедливость мира	19,72 (3,85)	6; 36
Образ «Я»				
Диагностика межличностных отношений Т. Лири	Реальный мир	«Доминирование — подчинение»	1,90 (4,44)	-23,20; 24,50
		«Дружелюбие — агрессивность»	-0,11 (4,96)	-32,90; 29,30
	Виртуальный мир	«Доминирование — подчинение»	2,40 (4,71)	-23,50; 25,20
		«Дружелюбие — агрессивность»	-0,11 (5,43)	-31,10; 27,80
Аспекты идентичности	Реальный мир	Личная	31,66 (8,96)	10; 50
		Реляционная	31,35 (9,07)	10; 50
		Социальная	19,90 (5,91)	7; 35
		Коллективная	20,63 (6,67)	8; 40
		Поверхностная	5,60 (2,01)	2; 10
	Виртуальный мир	Личная	32,71 (8,57)	10; 50
		Реляционная	32,62 (8,96)	10; 50
		Социальная	19,28 (5,87)	7; 35
		Коллективная	18,96 (6,49)	8; 40
		Поверхностная	5,49 (2,15)	2; 10
Образ «Других»				
Диагностика межличностных отношений Т. Лири	Реальный мир	«Доминирование — подчинение»	1,59 (3,54)	-29,40; 25,50
		«Дружелюбие — агрессивность»	-0,55 (4,26)	-32,50; 27,00
	Виртуальный мир	«Доминирование — подчинение»	2,09 (4,04)	-22,30; 24,20
		«Дружелюбие — агрессивность»	-1,22 (5,40)	-32,60; 31,20

Различия также наблюдаются и в оценке образа «Я». Так, по шкале «Доминирование — подчинение» среднее значение выше в виртуальном мире по сравнению с реальным. Это говорит о том, что *респонденты в виртуальном мире чаще, чем в реальном, проявляют лидерство в общении и стремятся к доминирующей позиции*. Идентичные результаты были получены по показателю образа «Других».

Анализируя результаты по методике «Аспекты идентичности», следует отметить, что по шкалам личной и реляционной идентичности полученные средние значения выше в виртуальном мире, чем в реальном. Имеющиеся исследования показали обратную тенденцию по этим шкалам: личная и реляционная идентичность, по данным этих работ, была более значимо выражена в реальности, нежели в Сети (см., например, [9]). Эти расхождения в результатах могут быть связаны

с возрастом респондентов данного исследования.

По показателям социальной, коллективной и поверхностной идентичности наблюдается иная тенденция. Подростки чаще отмечают значимость этих характеристик в реальном мире, нежели в виртуальном мире.

Взаимосвязь показателей образа мира, образа «Я», образа «других» в реальном и виртуальном мире и агрессии

Для понимания взаимосвязи между агрессией и показателями образа мира, образа «Я» и образа «Других» был применен корреляционный анализ.

В таблице 2 приведены коэффициенты корреляции между интегральной шкалой агрессии и показателями образа мира, образа «Я» и образа «Других» — в реальном и виртуальном мире. Для оценки связи использовались показатели по методике агрессивности Басса — Перри.

Таблица 2

Результаты корреляционного анализа показателей образа мира, образа «Я», образа «Других» в реальном и виртуальном мире и интегральной шкалы агрессии

	Интегральная шкала агрессии	
	Реальный мир	Виртуальный мир
Доброжелательность мира	-0,27**	-0,17**
Справедливость мира	-0,08**	-0,01
Личная идентичность	-0,02*	0,04**
Реляционная идентичность	-0,03**	0,01
Социальная идентичность	0,08**	0,14**
Коллективная идентичность	0,08**	0,06**
Поверхностная идентичность	0,11**	0,17**
«Доминирование — подчинение» «Я»	-0,12**	-0,05**
«Дружелюбие — агрессивность» «Я»	-0,22**	-0,26**
«Доминирование — подчинение» «Другие»	-0,09**	-0,10**
«Дружелюбие — агрессивность» «Другие»	-0,07**	-0,06**

Примечание: **p < 0,01; *p < 0,05; курсивом отмечены значимые отрицательные связи.

Анализируя результаты корреляционного анализа компонентов образа мира и показателя агрессивности, следует отметить наличие низких значений коэффициентов корреляции, что может быть связано с масштабом выборки. При этом более высокие коэффициенты корреляции показателя агрессии были получены с такими шкалами, как «Доброжелательность мира», поверхностная идентичность и «дружелюбие — агрессивность» «Я».

Образ мира

Результаты корреляционного анализа показали различия во взаимосвязях образов реального и виртуального мира и агрессии. Например, обнаружена значимая отрицательная связь между показателем Доброжелательности мира и агрессивностью, однако коэффициент корреляции по шкале «Доброжелательности реального мира» выше ($r = -0,27$; $p < 0,01$), чем коэффициент «Доброжелательности виртуального мира» ($r = -0,17$; $p < 0,01$). По шкале «Справедливость реального мира» была обнаружена значимая отрицательная корреляционная связь с показателем агрессии ($r = -0,08$; $p < 0,01$), однако показатель «Справедливости виртуального мира» никак не связан с интегральным показателем агрессии ($p > 0,05$).

Аспекты идентичности и образ «Я»

Рассматривая результаты корреляционного анализа по методике «Аспекты идентичности», также можно отметить различия в виртуальном и реальном образе «Я» в структуре взаимосвязей показателей идентичности и агрессии. Так, в реальном мире обнаружена значимая отрицательная связь показателя личной идентичности и агрессии ($r = -0,02$; $p < 0,05$). В свою очередь, в виртуальном мире обнаружена значимая положительная связь между рассматриваемыми показателями ($r = 0,04$; $p < 0,01$). По показателю реляционной идентичности в реальном мире просматривается статистически значимая отрицательная связь с агрессивностью, а в виртуальном мире, напротив, корреляционная связь отсутствует. Эти различия могут быть

объяснены отсутствием эмоционального компонента общения в виртуальной среде.

Более высокие коэффициенты корреляции с агрессивностью получены для показателей социальной и поверхностной идентичности в виртуальном мире по сравнению с реальным миром. В частности, по показателю коллективной идентичности наблюдается более выраженная положительная корреляционная связь в реальном мире ($r = 0,08$; $p < 0,01$), нежели в виртуальном ($r = 0,06$; $p < 0,01$).

В ходе корреляционного анализа также выявлены различия в реальном и виртуальном образе «Я», а именно относительно отрицательных связей между агрессивностью и шкалами теста Лири. Так, например, коэффициент корреляции по шкале «доминирование-подчинение» выше в реальном мире ($r = -0,12$; $p < 0,01$), чем в виртуальном ($r = -0,05$; $p < 0,01$). По шкале «дружелюбие — агрессивность» наблюдается обратная тенденция. В виртуальном мире получены более высокие коэффициенты корреляции между агрессивностью и шкалой «дружелюбие — агрессивность» ($r = -0,26$; $p < 0,01$) по сравнению с реальным миром ($r = -0,22$; $p < 0,01$).

Образ «Других»

Взаимосвязь агрессивности и образа «Других» показывает практически идентичные результаты в реальном и виртуальном мире. Это свидетельствует о том, что *подростки с высоким уровнем агрессии воспринимают других людей более агрессивными как в реальном мире, так и виртуальном.*

Таким образом, корреляционный анализ между отдельными компонентами образа мира и интегральным показателем агрессивности показал значимые различия не только в характере корреляционных связей, но и в выраженности этих связей в образах реального и виртуального мира. Следует особо подчеркнуть, что интерпретация результатов корреляционного анализа возможна только в терминах взаимосвязей, а направление этих взаимосвязей не дает возможности определить причинно-следственные отношения.

Роль компонентов образа реального и виртуального мира в формировании индивидуальных различий в подростковой агрессии

Для изучения роли компонентов образа реального и виртуального мира в формировании индивидуальных различий в проявлении агрессии у подростков использовался множественный регрессионный анализ. В качестве предикторов выступали компоненты образа реального и виртуального мира (образ мира, образ «Я», образ «Других»), в качестве зависимой переменной — интегральная шкала агрессии.

В таблице 3 представлены общие характеристики тестируемых моделей для показателя интегральной шкалы агрессии.

Согласно данным Таблицы 3, результаты регрессионного анализа по двум моделям выглядят практически одинаковыми. Так, образ реального мира и образ виртуального мира объясняют 13% дисперсии показателя агрессии. Характеристики первой модели (образ реального мира): $R^2 = 0,13$; $F = 151,37$; $p = 0,000$. Характеристики второй модели (образ виртуального мира): $R^2 = 0,13$; $F = 152,56$; $p = 0,000$.

Вместе с тем, в ходе дальнейшего анализа были проанализированы значимые предикторы, в качестве которых мы рассматривали отдельные компоненты, формирующие образ мира.

В таблице 4 представлены только статистически значимые предикторы, которые вносят вклад в формирование индивидуаль-

ных различий в показатель интегральной шкалы агрессии ($p < 0,05$).

Согласно данным Таблицы 3, в результатах регрессионного анализа наблюдаются различия относительно прогностичности отдельных компонентов образа реального и виртуального мира относительно проявленной подростковой агрессии.

Образ реального мира

Среди значимых предикторов образа реального мира, способствующих формированию индивидуальных различий в проявлении агрессии наибольший вес имеют: Доброжелательность мира ($\beta = -0,60$, $p = 0,000$), поверхностная идентичность ($\beta = 0,94$, $p = 0,000$) и «дружелюбие — агрессивность» «Я» ($\beta = -0,61$, $p = 0,000$). Значимым предиктором также является «доминирование — подчинение» «Я» ($\beta = -0,31$, $p = 0,000$) (табл. 4). Следовательно, весомый вклад в проявление агрессии подростков вносит вера во враждебность реального мира, оценка себя как личности с агрессивной конкурентной позицией и высокая значимость для личности его характеристик, воспринимаемых другими людьми (прежде всего, пол, внешность и привлекательность). Кроме того, не менее важный вклад в различия в проявление агрессивности вносит стремление человека к подчинению и отказу от ответственности.

Образ виртуального мира

Следует отметить, что среди значимых предикторов образа виртуального мира в индивидуальных проявлениях агрессии

Таблица 3

Общие характеристики моделей для показателя агрессии

Предикторы	R	R ²	Скорректированный R ²	Стандартная ошибка	F	p
Реальный мир	0,36	0,13	0,13	16,20	151,37	0,000
Виртуальный мир	0,37	0,13	0,13	16,18	152,56	0,000

Результаты регрессионного анализа для показателя агрессии

Интегральная шкала агрессии	Значимые предикторы	β	B (стандартная ошибка B)	<i>t</i>	<i>p</i>
Реальный мир (7)	Доброжелательность мира	-0,60	0,02	-21,22	0,000
	Личная идентичность	-0,19	0,03	-5,97	0,000
	Коллективная идентичность	0,11	0,03	3,75	0,000
	Поверхностная идентичность	0,94	0,15	6,15	0,000
	«Доминирование — подчинение» «Я»	-0,31	0,03	-8,77	0,000
	«Дружелюбие — агрессивность» «Я»	-0,61	0,03	-18,50	0,000
	«Доминирование — подчинение» «Другие»	-0,14	0,04	-3,13	0,002
Виртуальный мир (8)	Доброжелательность мира	-0,34	0,02	-14,05	0,000
	Справедливость мира	0,31	0,04	7,32	0,000
	Личная идентичность	-0,13	0,03	-4,39	0,000
	Социальная идентичность	0,25	0,05	4,57	0,000
	Поверхностная идентичность	1,12	0,13	8,37	0,000
	«Доминирование — подчинение» «Я»	-0,26	0,03	-7,83	0,000
	«Дружелюбие — агрессивность» «Я»	-0,81	0,03	-26,63	0,000
	«Доминирование — подчинение» «Другие»	-0,20	0,04	-5,19	0,000

Примечание: жирным шрифтом выделены наиболее значимые предикторы; курсивом выделены предикторы, характерные исключительно для одной из представленных моделей.

наибольший вес имеют те же предикторы, что и в образе реального мира: Доброжелательность мира ($\beta = -0,34, p = 0,000$), поверхностная идентичность ($\beta = 1,12, p = 0,000$) и «дружелюбие — агрессивность» «Я» ($\beta = -0,81, p = 0,000$). Специфичными для виртуального мира предикторами является вера в Справедливость мира ($\beta = 0,31, p = 0,000$) и Социальная идентичность ($\beta = 0,25, p = 0,000$). Следовательно, весомый вклад в проявление агрессии подростков вносит вера во враждебность виртуального мира, оценка себя как личности, проявляющей агрессивно-конкурентную позицию в интернете, и высокая значимость для личности его характеристик, воспринимаемых другими людьми (пол, внешность, привлекательность и др.). Кроме того, не менее важный вклад в различия в проявлении агрессивности вносит его вера в справедливость виртуального мира и значимость социальной оценки (Социальная идентичность).

Обсуждение результатов

В ходе исследования рассматривалась взаимосвязь компонентов образа мира в реальной и виртуальной среде с показателем интегральной шкалы агрессии.

Результаты корреляционного анализа показали значимые различия не только во взаимосвязях компонентов образа реального и виртуального мира, но и в характере этих связей. Рассматривая сходства и различия в образах реального и виртуального мира, следует отметить несколько важных результатов. Значимая отрицательная связь между показателем Доброжелательности мира и агрессивностью была обнаружена как в образе реального мира, так и виртуального. В целом, это кажется логичным: чем выше уровень агрессии, тем менее доброжелательным представляется окружающий мир. Однако коэффициент корреляции по шкале «Доброжелательности реального мира» выше, чем коэффициент Доброжелательности виртуального мира. То есть, *реальный мир подросткам представляется менее добро-*

желательным, чем виртуальный. Это может быть согласовано с идеей, которую высказали исследователи о трансформации процессов категоризации информации у подростков в информационном пространстве (см., например, [5]). Поскольку в образе виртуального мира преобладает «клиповый» характер, разнообразие поступающей и кодирующей информации в интернете может приводить к снижению рефлексивности у подростков.

Кроме того, в образе реального мира была обнаружена значимая отрицательная связь с показателем интегральной шкалы агрессии; при этом в образе виртуального мира такая корреляционная связь не обнаружена. Данные результаты могут свидетельствовать о том, что чем выше уровень агрессии у подростков, тем менее выражена вера в Справедливость реального мира. Отсутствие связи агрессии и Справедливости виртуального мира тоже кажется нам интересным результатом. Вне зависимости от выраженности агрессии, подростки в равной степени одинаково оценивают Справедливость виртуального мира. Данные результаты могут быть связаны с особенностями коммуникации в интернет-среде, такими, как анонимность и создание виртуальных личностей [13]. Действительно, в виртуальной среде больше вероятность остаться безнаказанным, скрывая свою личность под разными аккаунтами, тем самым оценить, насколько каждый получает то, что заслуживает, сложнее в виртуальном пространстве по сравнению с реальным миром.

Значимые различия получены и в результатах корреляционного анализа агрессии с компонентами «Аспекты идентичности» и «Образ “Я”». Так, в реальном мире обнаружена значимая отрицательная связь показателя личной идентичности и агрессии, а в виртуальном мире обнаружена значимая положительная связь между рассматриваемыми показателями. Иными словами, *в реальном мире: чем выше уровень агрессии у подростков, тем ниже значимость личных ценностей и норм, а также общей оценки себя. В виртуальном мире наблюдается*

обратная картина: чем выше уровень агрессии, тем более выражена значимость личной идентичности.

По показателю реляционной идентичности в реальном мире, отражающей значимость близких межличностных отношений, просматривается значимая отрицательная связь с агрессией, а в виртуальном мире напротив, корреляционная связь отсутствует. Это может быть связано с тем, что в виртуальной среде сложнее оценить значимость близких межличностных отношений, ввиду отсутствия в виртуальной среде эмоционального компонента общения, который в виртуальной среде получить практически невозможно. Кроме того, можно объяснить этот результат особенностями межличностного восприятия и механизмом стереотипизации, которые мы рассматривали в теоретической части статьи [13].

Согласно нашим данным, более высокие коэффициенты корреляции получены по показателям социальной и поверхностной идентичности в виртуальном мире, нежели в реальном мире. Этот результат можно объяснить тем, что в современных реалиях подростки формируют собственную идентичность на основе взаимоотношений с другими людьми и обратной связи. Соответственно, потребность в демонстрации своей идентичности в социальных сетях также возрастает, поскольку подростку важно получить оценку своих действий, особенно если у него низкая самооценка и в реальной жизни имеются трудности в коммуникации. По показателю коллективной идентичности наблюдается более выраженная положительная корреляционная связь в реальном мире, нежели в виртуальном.

Интересными представляются результаты корреляционного анализа относительно компонента образа «Я» в реальном и виртуальном мире. Были обнаружены значимые отрицательные связи между интегральной шкалой агрессии и шкалами теста Лири. Этот результат означает, что чем выше уровень агрессии у подростков, тем более агрессивными они воспринимают себя и менее спо-

собны брать на себя ответственность или принимать лидирующие позиции.

В ходе корреляционного анализа также выявлены различия в реальном и виртуальном образе «Я», а именно в значимых отрицательных связях между агрессией и шкалами теста Лири: «дружелюбие — агрессивность» и «доминирование — подчинение». Результаты показали, что чем больше выраженность агрессии, тем более негативный образ «Я» сформирован у подростка. Важно отметить, что формирование негативного представления о себе скорее происходит извне, поскольку именно подростки очень восприимчивы к мнению социума, несмотря на попытки сформировать собственную позицию. Негативный образ «Я» может оказывать влияние не только на представление человека о себе, на его самооценку и на личность в целом, но и на его взаимоотношения с другими людьми, что может способствовать развитию конфликтных ситуаций в жизни подростка.

Различия в образах «Я» между виртуальным и реальным миром также показывают интересные результаты. Например, коэффициент корреляции по шкале «доминирование — подчинение» выше в реальном мире, чем в виртуальном, а по шкале «дружелюбие-агрессивность» наблюдается обратная тенденция. Это опять же характеризуется особенностями интернет-среды. Подростки оценивают себя как более агрессивных в интернете, поскольку есть возможность открыто заявлять свою позицию, при этом скрывая свою личность, а в реальной жизни им сложнее брать на себя ответственность за свои проступки, занимая позицию подчинения. Результаты корреляционного анализа по компоненту образа «Других» показали практически идентичные результаты в реальном и виртуальном мире. Согласно нашему исследованию, чем выше уровень агрессии у подростка, тем более агрессивными и подчиняющимися он воспринимает других.

Результаты множественного регрессионного анализа роли компонентов образа реального и виртуального мира в формировании

индивидуальных различий в подростковой агрессии позволили понять универсальность или специфичность паттернов предикторов. Так, среди значимых предикторов образа реального мира, способствующих формированию индивидуальных различий в проявлении агрессии определяются компоненты, связанные с верой во враждебность реального мира, оценкой себя как личности с агрессивно-конкурентной позицией и высокой значимостью его характеристик, воспринимаемых другими людьми. Кроме того, не менее важный вклад в различия в проявлении агрессивности вносит стремление человека к подчинению и отказу от ответственности. Иными словами, *восприятие реального мира как враждебного, негативизация своего образа «Я» и значимость оценок со стороны окружающих его личности, являются факторами, провоцирующими проявление подростковой агрессии.*

Среди значимых предикторов образа виртуального мира, способствующих формированию различий в проявлении агрессии, наибольший вес имеют те же предикторы, что и в образе реального мира. Вместе с тем, специфичным для виртуального мира предиктором является вера в справедливость.

Таким образом, результаты данного исследования позволили выявить значимые компоненты образа мира, которые могут вносить вклад в проявлении агрессии в подростковом возрасте. При этом универсальными предикторами индивидуальных различий в подростковой агрессии являются такие компоненты образа реального

и виртуального мира, как Доброжелательность окружающего мира, поверхностная идентичность и «дружелюбие — агрессивность» «Я».

Кроме того, мы выделили специфичные для образа мира в виртуальном и реальном пространстве компоненты, важные для проявления агрессии у подростков. Среди таких компонентов выделены, прежде всего, для реального мира — коллективная идентичность, а для виртуального мира — социальная идентичность и Справедливость виртуального мира. Полученные нами результаты свидетельствуют не в пользу тезиса о смешанной реальности [21]. Несмотря на то, что в настоящее время размываются границы между реальностью и виртуальным миром, данное исследование показывает, что все же нельзя сказать об их однозначном слиянии в одну — смешанную реальность.

Дальнейшее развитие исследования мы видим в изучении роли образа реального и виртуального мира в различные показатели агрессии, связанные с гневом, враждебностью, физической агрессией. Результаты нашей работы вносят вклад в изучение проблематики подростковой агрессии, социальной перцепции и информационно-коммуникационной среды в подростковом возрасте. Впервые результаты о взаимосвязи образа реального и виртуального мира с подростковой агрессией были получены на масштабной выборке российских подростков, которые могут стать научной основой при разработке технологий просветительской и превентивной работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асмолов А. Г., Асмолов Г. А. От Мы-медиа к Я-медиа: поиск себя в мире информации // Человек как субъект и объект медиапсихологии. М.: Изд-во МГУ, 2011. С. 86–104.
2. Бардеништейн Л. М., Можгинский Ю. Б. Взаимосвязь патологического агрессивного поведения и депрессии у подростков // Российский психиатрический журнал. 2000. № 1. С. 42–45.
3. Белинская Е. П., Марцинковская Т. Д. Идентичность в транзитивном обществе: виртуальность и реальность // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: сборник научных статей и материалов международной конференции «Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека», 14–17 февраля 2018, Коломна. Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2018. С. 43–48.

4. *Белинская Е. П.* Информационная социализация подростков: опыт пользования социальными сетями и психологическое благополучие // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 30. Статья 5. <https://doi.org/10.54359/ps.v6i30.679>
5. *Богдановская И. М., Иконникова Г. Ю., Королева Н. Н.* Роль современной информационно-коммуникативной среды в формировании идентичности и образа мира современных подростков // Психологическая наука и образование. 2015. Т. 7. № 1. С. 1–11.
6. *Бочавер А. А., Докука С. В., Сивак Е. В., Смирнов И. Б.* Использование социальных сетей в интернете и депрессивная симптоматика у подростков // Клиническая и специальная психология. 2019. Том 8. № 3. С. 1–18. <https://doi.org/10.17759/cpse.2019080301>
7. *Бэррон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. СПб.: Питер, 2011. 352 с.
8. *Войскунский А. Е.* Психология и Интернет. М.: Акрополь, 2010. 439 с.
9. *Войскунский А. Е., Евдокименко А. С., Федунина Н. Ю.* Сетевая и реальная идентичность: сравнительное исследование // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 2. С. 98–121.
10. *Ениколопов С. Н., Цибульский Н. П.* Психометрический анализ русскоязычной версии Опросника диагностики агрессии А. Басса и М. Перри // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 1. С. 115–124.
11. *Ениколопов С. Н., Кузнецова Ю. М., Чудова Н. В.* Агрессия в обыденной жизни. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 494 с.
12. *Ениколопов С. Н., Чудова Н. В.* Проблема проявлений враждебной установки // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 54. Статья 12. <https://doi.org/10.54359/ps.v10i54.360>
13. *Жилинская А. В.* Интернет как ресурс для решения задач подросткового возраста: обзор психологических исследований // Психологическая наука и образование. 2014. № 1. С. 10–18.
14. Информационное общество в Российской Федерации 2020: статистический сборник. М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/lqv3T0Rk/info-ob2020.pdf> (дата обращения 10.06.2022).
15. *Кулагина И. Ю., Колоцкий В. Н.* Возрастная психология: полный жизненный цикл развития человека. М.: Сфера, 2002. 464 с.
16. *Лоренц К.* Агрессия. М.: Прогресс, 1994. 276 с.
17. *Марцинковская Т. Д.* Информационное пространство как фактор социализации современных подростков // Мир психологии. 2010. № 3 (63). С. 90–102.
18. *Падун М. А., Котельникова А. В.* Модификация методики исследования базисных убеждений личности Р. Янофф-Бульман // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 4. С. 98–106.
19. *Платонова Н. М.* Агрессия у детей и подростков. СПб.: Речь, 2006. 336 с.
20. *Реан А. А.* Психология личности. М.: Питер, 2016. 286 с.
21. *Солдатова Г. У., Рассказова Е. И.* Итоги цифровой трансформации: от онлайн-реальности к смешанной реальности // Культурно-историческая психология. 2020. Т. 16. № 4. С. 87–97. <https://doi.org/10.17759/chp.2020160409>
22. *Солдатова Г. У., Чигарькова С. В., Кошевая А. Г., Никонова Е. Ю.* Повседневная деятельность подростков в смешанной реальности: пользовательская активность и многозадачность // Сибирский психологический журнал. 2022. № 83. С. 20–45. <https://doi.org/10.17223/17267080/83/2>
23. *Султанова А. Н., Чут У. Ю., Бусыгина Г. А., Сажина Д. А., Митенко А. А. и др.* Особенности агрессивного поведения у лиц, легитимизирующих агрессию // Reflexio. 2021. Т. 13. № 2. С. 79–92. <https://doi.org/10.25205/2658-4506-2020-13-2-79-92>
24. *Фельдштейн Д. И.* Психологические особенности развития личности в подростковом возрасте // Вопросы психологии. 1988. Т. 3. № 6. С. 31–41.
25. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. М.: АСТ, 2004. 635 с.
26. *Фурманов И. А.* Социальная психология агрессии и насилия. Минск: Изд-во БГУ, 2016. 392 с.
27. *Agbaria Q.* Internet addiction and aggression: The mediating roles of self-control and positive affect // International Journal of Mental Health and Addiction. 2021. Vol. 19. No. 4. P. 1227–1242. <https://doi.org/10.1007/s11469-019-00220-z>
28. *Alsehaima A. O., Alanazi A. A.* Psychological and social risks to children of using the internet: Literature review // Journal of Child and Adolescent Behavior. 2018. Vol. 6. No. 5. Article 380. <https://doi.org/10.4172/2375-4494.1000380>
29. *Bruggeman H., van Hiel A., van Hal G., van Dongen S.* Does the use of digital media affect psychological well-being? An empirical test among children aged 9 to 12 // Computers in Human Behavior. 2019. Vol. 101. P. 104–113. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2019.07.015>

30. Buss A. H. Instrumentality of aggression, feedback, and frustration as determinants of physical aggression // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1966. Vol. 3. No. 2. P. 153–162. <https://doi.org/10.1037/h0022826>
31. Buss A. H. Physical aggression in relation to different frustrations // *The Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1963. Vol. 67. No. 1. P. 1–7. <https://doi.org/10.1037/h0040505>
32. Charmaraman L., Sode O., Bickham D. Adolescent mental health challenges in the digital world // *Technology and adolescent health*. Washington: Academic Press, 2020. P. 283–304. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-817319-0.00012-8>
33. Coyne S. M. Effects of viewing relational aggression on television on aggressive behavior in adolescents: A three-year longitudinal study // *Developmental Psychology*. 2016. Vol. 52. No. 2. P. 284. <https://doi.org/10.1037/dev0000068>
34. Crick N. R., Dodge K. A. Social information-processing mechanisms in reactive and proactive aggression // *Child Development*. 1996. Vol. 67. No. 3. P. 993–1002. PMID: 8706540
35. Gruman J. A., Saks A. M. E-socialization: The problems and the promise of socializing newcomers in the digital age // *The brave new world of eHRM 2.0. Charlotte: Information Age Publ., 2018*. P. 111–139.
36. Ihm J. Social implications of children's smartphone addiction: The role of support networks and social engagement // *Journal of Behavioral Addictions*. 2018. Vol. 7. No. 2. P. 473–481. <https://doi.org/10.1556/2006.7.2018.48>
37. Martínez-Ferrer B., Moreno D., Musitu G. Are adolescents engaged in the problematic use of social networking sites more involved in peer aggression and victimization? // *Frontiers in Psychology*. 2018. Vol. 9. Article 801. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.00801>
38. Montag C., Diefenbach S. Towards homo digitalis: Important research issues for psychology and the neurosciences at the dawn of the internet of things and the digital society // *Sustainability*. 2018. Vol. 10. No. 2. P. 415–436. <https://doi.org/10.3390/su10020415>

REFERENCES

1. Asmolov A. G., Asmolov G. A. Ot My-media k Ya-media: poisk sebya v mire informatsii // *Chelovek kak sub'ekt i ob'ekt mediapsikologii*. M.: Izd-vo MGU, 2011. S. 86–104.
2. Bardenshtejn L. M., Mozhginskij Yu. B. Vzaimosvyaz' patologicheskogo agressivnogo povedeniya i depressii u podrostkov // *Rossijskij psikiatricheskij zhurnal*. 2000. № 1. S. 42–45.
3. Belinskaya E. P., Martsinkovskaya T. D. Identichnost' v tranzitivnom obshchestve: virtual'nost' i real'nost' // *Tsifrovoe obshchestvo kak kul'turno-istoricheskij kontekst razvitiya cheloveka: sbornik nauchnykh statej i materialov mezhdunarodnoj konferentsii "Tsifrovoe obshchestvo kak kul'turnoistoricheskij kontekst razvitiya cheloveka"*, 14–17 fevralya 2018, Kolomna. Kolomna: Gosudarstvennyj sotsial'no-gumanitarnyj universitet, 2018. S. 43–48.
4. Belinskaya E. P. Informatsionnaya sotsializatsiya podrostkov: opyt pol'zovaniya sotsial'nymi setyami i psikhologicheskoe blagopoluchie // *Psikhologicheskie issledovaniya*. 2013. T. 6. № 30. Stat'ya 5. <https://doi.org/10.54359/ps.v6i30.679>
5. Bogdanovskaya I. M., Ikonnikova G. Yu., Koroleva N. N. Rol' sovremennoj informatsionno-kommunikativnoj sredy v formirovanii identichnosti i obraza mira sovremennykh podrostkov // *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*. 2015. T. 7. № 1. S. 1–11.
6. Bochaver A. A., Dokuka S. V., Sivak E. V., Smirnov I. B. Ispol'zovanie sotsial'nykh setej v internete i depressivnaya simptomatika u podrostkov // *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya*. 2019. Tom 8. № 3. S. 1–18. <https://doi.org/10.17759/cpse.2019080301>
7. Beron R., Richardson D. *Agressiya*. SPb.: Piter, 2011. 352 s.
8. *Vojskunskej A. E. Psikhologiya i Internet*. M.: Akropol', 2010. 439 s.
9. *Vojskunskej A. E., Evdokimenko A. S., Fedunina N. Yu. Setevaya i real'naya identichnost': sravnitel'noe issledovanie* // *Psikhologiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki*. 2013. T. 10. № 2. S. 98–121.
10. Enikolopov S. N., Tsibul'skij N. P. Psichometricheskij analiz russkoyazychnoj versii Oprosnika diagnostiki agressii A. Bassa i M. Perri // *Psikhologicheskij zhurnal*. 2007. T. 28. № 1. S. 115–124.
11. Enikolopov S. N., Kuznetsova Yu. M., Chudova N. V. *Agressiya v obydennoj zhizni*. M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2014. 494 s.
12. Enikolopov S. N., Chudova N. V. Problema proyavlenij vrazhdebnoj ustanovki // *Psikhologicheskie issledovaniya*. 2017. T. 10. № 54. Stat'ya 12. <https://doi.org/10.54359/ps.v10i54.360>
13. Zhilinskaya A. V. Internet kak resurs dlya resheniya zadach podrostkovogo vozrasta: obzor psikhologicheskikh issledovanij // *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*. 2014. № 1. S. 10–18.

14. Informatsionnoe obshchestvo v Rossijskoj Federatsii 2020: statisticheskij sbornik. M.: Izd-vo NIU VShE, 2020. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/lqv3T0Rk/info-ob2020.pdf> (data obrashcheniya 10.06.2022).
15. *Kulagina I. Yu., Kolyutskij V. N.* Vozrastnaya psikhologiya: polnyj zhiznennyj tsikl razvitiya cheloveka. M.: Sfera, 2002. 464 s.
16. *Lorents K.* Agressiya. M.: Progress, 1994. 276 s.
17. *Martsinkovskaya T. D.* Informatsionnoe prostranstvo kak faktor sotsializatsii sovremennykh podrostkov // Mir psikhologii. 2010. № 3 (63). S. 90–102.
18. *Padun M. A., Kotel'nikova A. V.* Modifikatsiya metodiki issledovaniya bazisnykh ubezhdenij lichnosti R. Yanoff-Bul'man // Psikhologicheskij zhurnal. 2008. T. 29. №. 4. S. 98–106.
19. *Platonova N. M.* Agressiya u detej i podrostkov. SPb.: Rech', 2006. 336 s.
20. *Rean A. A.* Psikhologiya lichnosti. M.: Piter, 2016. 286 s.
21. *Soldatova G. U., Rasskazova E. I.* Itogi tsifrovoj transformatsii: ot onlajn-real'nosti k smeshannoju real'nosti // Kul'turno-istoricheskaja psikhologiya. 2020. T. 16. № 4. S. 87–97. <https://doi.org/10.17759/chp.2020160409>
22. *Soldatova G. U., Chigar'kova S. V., Koshevaya A. G., Nikonova E. Yu.* Povsednevnyaya deyatel'nost' podrostkov v smeshannoju real'nosti: pol'zovatel'skaya aktivnost' i mnogozaadachnost' // Sibirskij psikhologicheskij zhurnal. 2022. № 83. S. 20–45. <https://doi.org/10.17223/17267080/83/2>
23. *Sultanova A. N. Chut U. Yu., Busygina G. A., Sazhina D. A., Mitenko A. A. i dr.* Osobennosti agressivnogo povedeniya u lits, legitimiziruyushchikh agressiyu // Reflexio. 2021. T. 13. №. 2. S. 79–92. <https://doi.org/10.25205/2658-4506-2020-13-2-79-92>
24. *Fel'dshtejn D. I.* Psikhologicheskie osobennosti razvitiya lichnosti v podrostkovom vozraste // Voprosy psikhologii. 1988. T. 3. №. 6. S. 31–41.
25. *Fromm E.* Anatomija chelovecheskoj destruktivnosti. M.: AST, 2004. 635 s.
26. *Furmanov I. A.* Sotsial'naya psikhologiya agressii i nasiliya. Minsk: Izd-vo BGU, 2016. 392 s.
27. *Agbaria Q.* Internet addiction and aggression: The mediating roles of self-control and positive affect // International Journal of Mental Health and Addiction. 2021. Vol. 19. No. 4. P. 1227–1242. <https://doi.org/10.1007/s11469-019-00220-z>
28. *Alsehaima A. O., Alanazi A. A.* Psychological and social risks to children of using the internet: Literature review // Journal of Child and Adolescent Behavior. 2018. Vol. 6. No. 5. Article 380. <https://doi.org/10.4172/2375-4494.1000380>
29. *Bruggeman H., van Hiel A., van Hal G., van Dongen S.* Does the use of digital media affect psychological well-being? An empirical test among children aged 9 to 12 // Computers in Human Behavior. 2019. Vol. 101. P. 104–113. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2019.07.015>
30. *Buss A. H.* Instrumentality of aggression, feedback, and frustration as determinants of physical aggression // Journal of Personality and Social Psychology. 1966. Vol. 3. No. 2. P. 153–162. <https://doi.org/10.1037/h0022826>
31. *Buss A. H.* Physical aggression in relation to different frustrations // The Journal of Abnormal and Social Psychology. 1963. Vol. 67. No. 1. P. 1–7. <https://doi.org/10.1037/h0040505>
32. *Charmaraman L., Sode O., Bickham D.* Adolescent mental health challenges in the digital world // Technology and adolescent health. Washington: Academic Press, 2020. P. 283–304. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-817319-0.00012-8>
33. *Coyne S. M.* Effects of viewing relational aggression on television on aggressive behavior in adolescents: A three-year longitudinal study // Developmental Psychology. 2016. Vol. 52. No. 2. P. 284. <https://doi.org/10.1037/dev0000068>
34. *Crick N. R., Dodge K. A.* Social information-processing mechanisms in reactive and proactive aggression // Child Development. 1996. Vol. 67. No. 3. P. 993–1002. PMID: 8706540
35. *Gruman J. A., Saks A. M.* E-socialization: The problems and the promise of socializing newcomers in the digital age // *The brave new world of eHRM 2.0.* Charlotte: Information Age Publ., 2018. P. 111–139.
36. *Ihm J.* Social implications of children's smartphone addiction: The role of support networks and social engagement // Journal of Behavioral Addictions. 2018. Vol. 7. No. 2. P. 473–481. <https://doi.org/10.1556/2006.7.2018.48>
37. *Martinez-Ferrer B., Moreno D., Musitu G.* Are adolescents engaged in the problematic use of social networking sites more involved in peer aggression and victimization? // Frontiers in Psychology. 2018. Vol. 9. Article 801. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.00801>
38. *Montag C., Diefenbach S.* Towards homo digitalis: Important research issues for psychology and the neurosciences at the dawn of the internet of things and the digital society // Sustainability. 2018. Vol. 10. No. 2. P. 415–436. <https://doi.org/10.3390/su10020415>